

ВЕЛИКАЯ МАТУШКА

ЖИЗНЬ И ПОДВИГ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИЗАВЕТЫ

ЕЛИЗАВЕТА ФЕОДОРОВНА*

Государыня Мария Феодоровна приказала убрать в Гатчинском дворце отведенные Елизавете покой на английский манер — чтобы юная супруга Сергея чувствовала себя как в родном Дармштадте: покойная ее мать, принцесса Алиса, держала свой дом в английском стиле.

В окно Гатчинского дворца глядело хмурое зимнее небо. Елизавета — в России! И теперь ей отраднее видеть вокруг тот лад, что царит в Ильинском — старом русском барском доме...

«Ах, Минни... Не угадала она моего желания. Но спасибо ей, она так добра, так полюбила меня...» Елизавета раз-

ложила на бюро книги — учебники русского языка. Стопочку почтовой бумаги с видами Петербурга — для писем бабушке, альбомы для рисования... Хотелось навсегда остаться в Ильинском. Но Великий Князь Сергей Александрович служил в полку, и надо было жить в Петербурге. Или в Гатчине — в нескольких верстах от столицы.

— Ну и как ты провела этот день? — спрашивал всякий раз Сергей Александрович, вернувшись со службы. И всегда — на русском языке. И она отвечала по-русски. Старалась, подбирала слова:

— Прекрасно, дорогой Сергей. Утром гуляли с Минни по парку, снегу очень много, и дул холодный ветер. Потом рисовали. Минни читала мне

русский журнал. Затем был урок русского языка... Но я скучала за тебя...

— Элла, надо сказать: «без тебя». Милая, а я как скучал без тебя! Целый день — без тебя. Но зато у нас впереди длинный вечер.

Бесконечные рауты, торжественные приемы, визиты, балы — все это поначалу было интересно, даже забавляло ее. Но лучше всего — тихие вечера с Сергеем Александровичем.

— Сегодня у нас «Мертвые души» Гоголя. Николай Васильевич — великий писатель земли Русской! — торжественно объявил он. Читал Сергей Александрович превосходно: недаром в домашнем Ильинском театре он прослыл одним из лучших актеров.

«И какой же русский не любит бы-

строй езды? — читал Сергей Александрович. — Его ли душа, стремящаяся закружиться, загуляться, сказать иногда: «черт побери все!» — его ли душа не любить ее? Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чудное?..

Елизавета понимала не все, но не могла прервать вопросами дивный ритм гоголевского слога: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади... Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, постараниваются и дают ей дорогу другие народы и государства...» Главное-то она уловила: какая сила в движении этой дивной птицы — России!..

Бабушка звала Елизавету в Англию, брат Эрни и Аликс — в Дармштадт. Повидаться с родными хотелось, но... Она — супруга Великого Князя, ее долг — быть всегда рядом с мужем, всегда и везде, — она не может оставить его и на краткое время...

На Великий пост пунцовые лампады перед иконами заменили зелеными и синими. Отменялись пышные приемы, балы и спектакли.

Сергей Александрович молился долго, дольше обычного. Елизавета

осторожно заглядывала в его кабинет: в полумраке, перед образами с неугасимым огнемком, — Великий Князь, на коленях, углублен, не слышит ни пороха ее платья, ни легких шагов... Как хотелось ей стать рядом с ним, опуститься на колени, класть земные поклоны и молиться, молиться...

Как-то Сергей Александрович сказал ей, что нельзя глубоко узнать русский народ, не узнав, не поняв его Веру. Понять — это не означает разумом принять Веру. Сергей Александрович внимательно посмотрел на Елизавету. Она молчала. Чувствовала: муж ожидает от нее каких-то решительных слов. «Господи, помоги, научи меня», — и робко попросила:

— Сергей, дай мне что-нибудь прочитать о Православии...

Он сразу же принес книги.

— Вот смотри. Это Православный Катехизис митрополита Московского Филарета, Поклонения Аввы Дорофея, «Лествица»... Читай, не торопясь, что не поймешь, я попробую растолковать.

Уже третью весну встречает Елизавета в России.

Сергей Александрович подготовил ей подарок — недалеко от Ильинского, в селе Усове. Словно из далекой Англии перенес сюда, в Подмосковье, прекрасный дворец, напоминающий замки на берегах Темзы. Видел, как скучала Елизавета по отцу,

сестрам, милой своей бабушке... Пусть и здесь, под российским небом, ощутит себя как в доме своих предков. И ошибся. Как ошиблась «Минни», устраивая для Елизаветы «гнездышко» в английском духе.

Теплый, пригодный для зимней стужи дворец в Усове леденил Елизавету. Ильинское — вот где она чувствует себя теперь по-настоящему дома!

И все же они, наконец, отправились в Англию. Великий Князь Сергей Александрович как представитель Дома Романовых, вместе с супругой, должен был прибыть туда на торжественное празднование юбилея королевы Великобритании. Поездка была короткой: Сергей Александрович торопился назад, в Петербург: наследник Цесаревич Николай Александрович начинал военную службу в полку своего дяди и Великому Князю необходимо было вернуться к назначенному сроку — принять Цесаревича.

Несколько дней в Англии — для Елизаветы это был сон, веселый и печальный, с улыбкой и слезами...

— Элла, как ты похожа на свою покойную мать! — повторяла королева Виктория. Елизавета немного волновалась: понравится ли бабушке Сергей? Дипломатичная королева Англии приняла Сергея Александровича ласково: Великий Князь был представителем династии Романовых. Но самое важное — был супругом любимой ее внучки Эллы. Такой умиленной и растроганной Елизавета не видела бабушку никогда.

В последнее лондонское свое утро Елизавета обняла королеву:

— Не грусти, бабушка! Я уезжаю, но мы не расстаемся — ведь я тебе пишу почти каждый день. Ты знаешь все мои дела и настроения. Я посыпаю тебе длинные-предлинные отчеты, правда, бабушка?..

...«До свидания, до свидания!» — скрипел под колесами экипажа гравий на дорожке Виндзорского парка...

По дороге в Петербург Великокняжеская Чета заехала в Дармштадт. Пятнадцатилетняя Аликс, легкая, тональная, высокая, какая-то воздушная, не отходила от Елизаветы ни на шаг.

— Элла, не уезжай от нас. Побудь хоть еще немного...

— Дитя мое, как же я могу не ехать? Сергей должен быть в Петербурге, в его полк поступает Цесаревич.

— Ники?

— Да, Ники. Ведь ему уже восемнадцать. Он очень милый юноша, умный, глубокий. Мы с ним подружились, о многом говорим...

— О многом?

— Да. О Боге, о жизни. О России, о вере...

— А еще о чем?

В белом платье, с русыми кудрями, она точно ангел с картины старинных мастеров.

Елизавета лукаво улыбнулась:

— Ники часто вспоминает одну девочку, с которой познакомился на моей свадьбе. Спрашивает, катается ли она на коньках, поет ли по-прежнему...

— Элла, неужели обо мне?

Аликс откинула кудри с разгоревшихся щек.

— Элла, я скажу тебе секрет, только ты никому, ни-ни... Я ведь тоже вспоминаю Ники...

Смутилась вконец, вскочила с кресла, прошлась по комнате. И снова потускнела, глаза налились слезами:

— Не покидай меня, Элла... И папа грустит без тебя. А я... Я иногда просто плачу... Я хочу быть с тобой всегда...

— Будешь, будешь, дитя мое. Когда-нибудь мы обязательно будем вме-

сте, — говорила Елизавета, и сама верила своим словам.

Однажды в Ильинском Елизавете доложили, что пришли к ней крестьяне с величайшей просьбой. Елизавета вышла на крыльцо. Ее поджидали несколько мужиков и баб, давно уже знакомых.

— Голубушка-барыня, — степенно начал молодой мужик. — Много милостей от вас видим. Вот и больницу новую построили. И со школой дело идет. Ребятишек много народилось в селе... Не откажите, будьте и вы со своим князем крестными наших деток. Барин никогда не отказывал. Чай, в каждой избе его крестники...

Елизавета — протестантка. Разве может быть она восприемницей православного младенца?

— Ладно, родные. Передам эту просьбу князю... Спаси вас Господи.

Мужики называют Елизавету «голубушкой-барыней», приносят ей новорожденных, приводят детишек. Она щедро одаривала младенцев, устраивала детишкам праздники: обычно в саду расставлялись столы с угощением, затевались игры...

Но сердцем знала: мало этого. Они, крестьяне русские, хотят ви-

деть в ней не только щедрую барыню, но «матушку-барыню», что и в радости, и в беде с ними, и у купели с младенцем стоит, и в церкви за них молится, и они за нее Господу молитвы возносят...

— Сергей, сегодня наши деревенские просили меня быть крестной...

— А ты что же? — он хотел еще что-то сказать, но сдержался.

— А что я? — отвечала Елизавета. — Я — протестантка.

«Господи, открай мне волю Свою!» — молилась и плакала, и чувствовала, что готова к решительному шагу — принять Православную Веру. И снова — буря. Буря сомнений. И опять — молитва, и чтение книг, и снова молитва, и опять сомнения...

Сентябрь пытал в парке Царского Села. Пятая осень Елизаветы в России. Великая Княгиня гуляла под столетними липами. Все здесь дышит боевой славой великой Державы. По этим аллеям бродил смуглый отрок-лицеист Александр Пушкин. Казалось, в вечернем небе еще полыхает праздничный фейерверк в честь воинских побед Екатерины... Великая страна, родная теперь ее страны, на веки вечные... К чему сомнения? «Господи, укрепи меня», — на русском языке, уже давно на русском, молилась Елизавета.

И вдруг — новость, словно добрый знак свыше: Император Александр III поручил Великому Князю Сергею Александровичу быть его представителем на торжественном освящении храма святой Марии Магдалины в Гефсимании. Сергей Александрович уже побывал на Святой Земле. Случилось это в самый тяжелый год для Царской Семьи. 1 марта 1881 года от бомбы террориста погиб Император Александр II. Потрясенные горем,

Великие Князья Сергей Александрович, Павел Александрович и Константин Константинович отправились во Святую Землю, чтобы найти утешение в молитве у Живоносного Гроба Господня. Вернувшись в Петербург, Сергей Александрович учредил Православное Палестинское Общество и принял обязанности председателя. Сергей Александрович не жалел ни своих сил, ни своих средств для работы нового Общества. В Иерусалиме для русских паломников построили подворье с гостиницами, устроили больницу, школу и странноприимные дома. По инициативе Великого Князя, горячего любителя истории, начались археологические работы. Из-под тысячелетних наслаждий был расчищен порог так называемых «Судных врат», через которые шел с Крестом Господь. На этом месте был построен храм во имя святого благоверного князя Александра Невского — в память Александра II, Царя-Освободителя.

На склоне Елеонской Горы, близ Гефсиманского сада, Великие Князья приобрели участок земли. Здесь был возведен пятиглавый храм во имя святой равноапостольной Марии Магдалины — в память Императрицы Марии Александровны. И вот сюда, на освящение этого храма, лежал путь Великокняжеской Четы.

Елизавета поняла: таков Промысл Божий — у Гроба Господня определить свое будущее. «Наше путешествие будет и ознакомительным, и духовным», — Сергей Александрович согласился с ней. Видел: в душе Елизаветы — борьба. Он решил предоставить все воле Господней...

...Это не мечта и не видение: Елизавета идет по Святой Земле, где Господь пострадал за нее, за нас. На каждом шагу по благословенному этому краю вспоминались Елизавете давние библейские события. О них знала, слышала, читала еще в детстве, малым ребенком. Назарет — здесь Пресвятой Деве Марии явился Ангел с благой вестью; гора Фавор — на вершине ее Господь преобразился перед учениками и показал Свою Славу... Иерусалим, пронизанный солнцем до белизны, а в ночи темный под миriadами звезд...

Между серо-серебряных олив идет Елизавета по Гефсиманскому саду, и над нею — неугасимая «русская све-

ча» — огромная колокольня на вершине Елеонской Горы. А пониже, на склоне, — золотое пятиглавье храма святой Марии Магдалины. Точно дыхание России.

...Сергей Александрович опускается на холодные плиты пола. Светится резной иконостас белого мрамора: иконы словно в ветвях цветущего майского сада далекой России. Великий Князь молится долго, отрешенный от мирского, что печалит и радует, мучает и исцеляет.

Елизавета тоже становится на колени, молится, кладет земные поклоны... Это не «жест приличия», как когда-то, пять лет назад, по приезде в Москву. Ее не видят никто — только один Господь.

...Они уже уходили. В последний раз оглянулась Елизавета: мирно сияли пять куполов храма, в небе светилась и не угасала «русская свеча».

— Как бы я хотела быть похороненной здесь, — тихо проронила Елизавета.

Осенью этого памятного ей 88-го года Елизавета почувствовала: Православие ведет ее «ближе к Богу». Она уже читала Библию на церковнославянском языке. Это было счастьем. Но знала, слышала, читала еще в детстве, малым ребенком. Назарет — здесь Пресвятой Деве Марии явился Ангел с благой вестью; гора Фавор — на вершине ее Господь преобразился перед учениками и показал Свою Славу... Иерусалим, пронизанный солнцем до белизны, а в ночи темный под миriadами звезд...

Она будет молиться Господу, чтобы бедный отец понял свою Эллу. Она никому не желает зла.

1 января 1891 года Елизавета отправила Великому герцогу Людвигу IV письмо.

«...А теперь, дорогой Папа, я хочу что-то сказать Вам и умоляю Вас дать Ваше благословение. Вы должны были заметить, какое глубокое благоговение яитаю к здешней религии с тех пор, как Вы были здесь в последний раз — более полутора лет назад. Я все время думала и читала и молилась Богу — указать мне правильный путь, и пришла к заключению, что только в этой религии я могу найти настоящую и сильную веру в Бога, которую человек должен иметь, чтобы быть хорошим христианином. Это было бы грехом оставаться так, как я теперь, — принадлежать к одной церкви по форме и для внешнего мира, а внутри себя молиться и верить так, как и мой муж. Вы не можете себе представить, каким он был добрым, что никогда не

думала глубоко обо всем этом, находясь в этой стране уже более 6 лет и зная, что религия «найдена»... Пожалуйста, протелеграфируйте мне только одну строчку, когда Вы получите это письмо. Да благословит Вас Господь. Это будет такое утешение для меня, потому что я знаю, что будет много неприятных моментов, так как никто не поймет этого шага. Прошу только маленькое ласковое письмо».

Но телеграммы от отца Елизавета не получила. В тревоге она написала через несколько дней своему юному другу Цесаревичу Николаю.

«Петербург
5 ян/варя/ 1891 года

Дорогой Ники!

Первые мои строки, посланные тебе в новом году, надеюсь, принесут новость, которая доставит тебе удовольствие. Я наконец решила присоединиться к вашей религии и хочу сделать это к Пасхе, чтобы иметь возможность причаститься на Страстной неделе. Это великий шаг, так как для меня начнется новая жизнь, однако я верю, что Господь благословит такое решение. Помнишь тот день, когда мы разговаривали на балконе, во дворе? Ты в первый раз тогда говорил о Пелли* — для меня этот день тоже был важным, потому что после (нашего разговора) Сергей впервые заговорил со мной о своей религии.

Я тогда ответила, что хотела бы узнать ее поближе. Что ж, прошло полтора года, и тем летом я много читала вместе с ним, но потом снова настали месяцы сомнений и тревог. Я хотела отложить (это), хотя «an fond de mon coeur»** уже принадлежала к вашей вере. Увы, я очень дурная и не имела столько сил... Я наконец почувствовала, как же это было нехорошо — отстраняться от беспокойств и от мучительных разговоров со старыми друзьями, которые я для вида продолжала, и быть перед миром протестантской, когда моя душа уже принадлежала православной вере. Это была ложь перед Богом и людьми, очень большой грех, и я в нем сердечно раскаиваюсь. Со следующей почтой я смогу известить тебя об ответных письмах из дома. Верю, что они будут хорошиими, хотя боюсь, многие огорчатся и не поймут. Бог даст, это может дать

Письмо от отца Елизавета получила только недели через три. Видно, ему было мучительно писать: письмо вышло коротким, отрывистым. Отец признавал, что каждый может быть свободным в выборе веры. Он знал твердость характера Елизаветы. Если она решила — то и сделает! Одно лишь утешало его, что это был ее собственный выбор, без нажима со стороны мужа. Но сердце его разрывалось от мысли, что и Аликс, под влиянием Елизаветы, хочет перейти в Православие. Как убедить отца, как убедить всех, что не земная любовь, не привязанность к супругу толкают ее на этот шаг? Не красота православного богослужения, не блеск и великолепие храмов привлекли Елизавету, но основа Православной веры!

По просьбе Елизаветы протопресвитор Иоанн Янушев изложил догма-

ты Православной Веры и различие между Православием и протестантизмом. Это изложение — шесть страниц на немецком языке — Елизавета направила отцу и брату.

Какое счастье, что рядом с ней Сергей Александрович! Она знала, что ее долгие сомнения, колебания причиняют ему боль. О своей боли он молчал. Но тихо, незаметно помогал ей.

— Я перехожу из чистого убеждения: чувствуя, что Православие — самая высокая религия. Свой выбор я сделаю с верой, с глубоким убеждением и уверенностью, что на это есть Божие благословение...

13(25) апреля, в Лазареву субботу, было совершено Таинство миропомазания Великой Княгини Елизаветы Феодоровны. Ей было оставлено прежнее имя, но уже в честь святой Праведной Елизаветы — матери святого Иоанна Предтечи.

После Миропомазания Император Александр III благословил Елизавету Феодоровну драгоценной иконой Нерукотворного Спаса.

Приближались святые пасхальные дни. Прибавилось света в природе, прибавилось света в душе Елизаветы Феодоровны.

(Продолжение следует.)